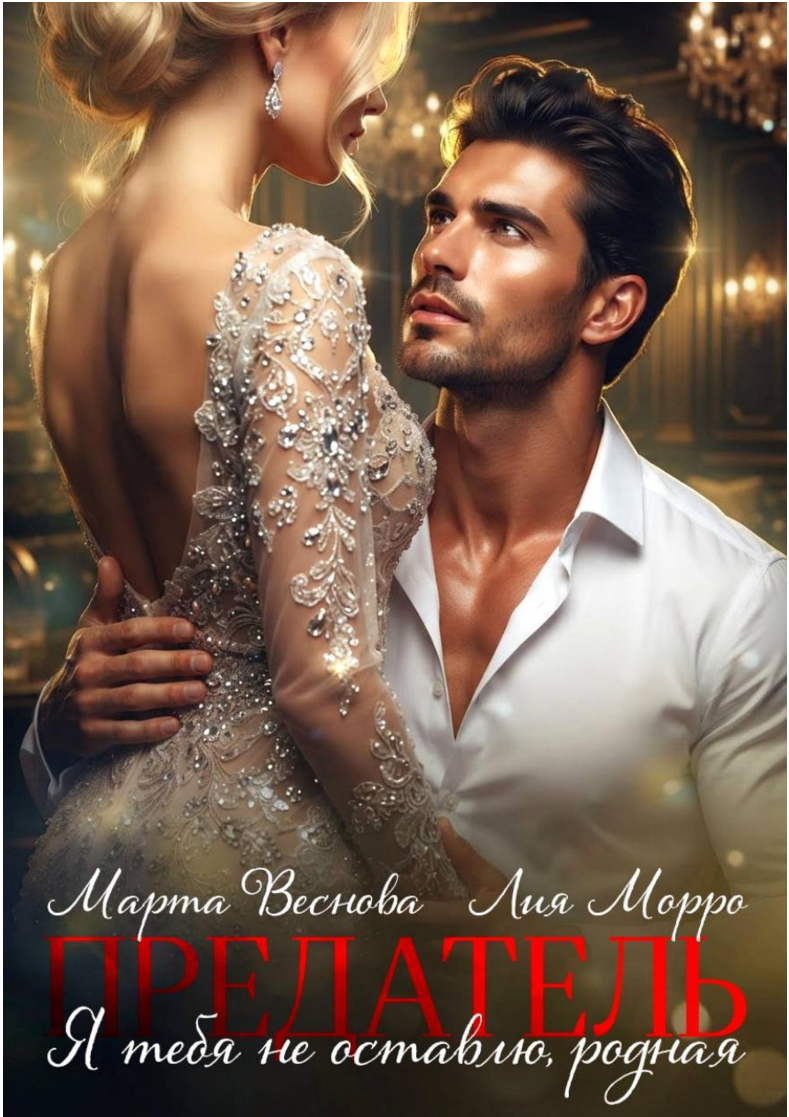

Марта Веснова
Лия Морро
ПРЕДАТЕЛЬ
Я тебя не оставлю, родная

Марта Веснова

Предатель. Я тебя не оставлю, родная

https://litres.ru/74906459
SelfPub; 2026

Аннотация

– Я красивее твоей жены?

– Катюша, ты на десять лет младше и тратишь в три раза больше денег на салоны красоты, чем моя жена. При таком раскладе сложно быть страшнее.

– Ну Влад!

Я слышу хриплый негромкий смех собственного мужа. Капризный девичий возглас.

Молодой. Очень.

Сглатываю. Опускаю глаза, пытаясь справиться с этим потрясением.

Влад всегда был грубияном. Всегда шутил, что здоровые мужики все подчистую изменяют. Что это не зависит от наличия красивой женщины, даже если она твоя жена.

Но я почему-то всё время думала, что он шутит. Что не серьёзно. Что на самом деле он мне верен...

Теперь понимаю, какой наивной дурой была. Господи, как же стыдно за собственную дурость!

Я облизываю пересохшие от волнения губы. Стою перед приёмной мужа. И пытаюсь понять, что мне следует делать дальше. Притвориться, что ничего не было? Или войти и разнести там всё?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Марта Веснова
Предатель. Я тебя не оставлю, родная

Глава 1

– Хочешь меня? – капризный звонкий девичий голосок звучит из-за приоткрытой двери кабинета.

– А по мне не видно? – с ленивой насмешкой отзывается низкий, чуть вибрирующий мужской голос.

Голос моего мужа.

Легкомысленная весёлая улыбка медленно сползает с моего лица. Я замедляю шаг. Останавливаюсь у двери.

– Я красивее твоей жены? – вновь спрашивает незнакомая мне девушка.

Кажется, молодая. Очень.

– Катюша, ты на десять лет младше и тратишь в три раза больше денег на салоны красоты, чем моя жена. При таком раскладе сложно быть страшнее.

– Ну Влад!

Я слышу хриплый негромкий смех собственного мужа.

Влад всегда был грубияном. Он из тех, кто не любезничает. Не умеет просто. Даже с министрами и генералами. Если

ему что-то не нравится – он так и говорит. Не пытается смягчать, не пытается произвести хорошее впечатление и показаться лучше, чем он есть на самом деле.

Мне это всегда необъяснимо нравилось.

Есть что-то очаровательное в том, что мужчина не подбирает слова и не лицемерит.

Судя по тому, что я слышу сейчас, он не делает исключений даже для молодых любовниц.

Я сглатываю. Опускаю голову, смотрю на носки своих сапожек без каблуков.

Просто пытаюсь осознать и понять, что мне теперь делать.

Влад всегда шутил, что здоровые мужики все подчистую изменяют. Что это не зависит от наличия красивой женщины, даже если она твоя жена.

Но я почему-то всё время думала, что он шутит. Что не серьёзно. Что на самом деле он мне верен...

Теперь понимаю, какой наивной дурой была. Причём реально же дурой. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что он мне буквально прямо в глаза всё говорил. А я смеялась, отмахивалась, ворчливо и авторитетно спорила, что он берёт всех под одну гребёнку. А он только улыбался спокойно и снисходительно, и притягивал меня для поцелуя.

Господи, как же стыдно за собственную дурость!

Я облизываю пересохшие от волнения губы. Стою под дверью кабинета мужа.

И пытаюсь понять, что мне следует делать дальше.

Притвориться, что ничего не было?

Или войти и разнести там всё?

Семь вечера. Но офис ещё совсем не пуст. Люди в такой большой организации не знают о существовании отдыха. Удивительно даже, как Влад со своей Катюшей умудрились не запереть дверь.

Я провожу пальчиками по губам. Они холодные и чуть подрагивают.

Больно. Очень. Не знаю, от чего больнее: от собственной тупости или от его предательства.

Я всё же открываю дверь и вхожу в кабинет.

Выгляжу спокойной, невозмутимой, будто не происходит ничего такого. Спина естественно ровная, голова поднята, расстёгнутое светлое пальто, светлое платье под ним, сапоги-трубы до колен, на плече сумочка.

Влад сидит в своём кожаном кресле, чуть отъехав от стола. Чёрная рубашка без галстука, расстёгнутый ворот, закатанные рукава. Пиджак на спинке одного из кресел в стороне.

У него на коленях она.

Молодая. Волосы тёмные, короткие. Очень стройная, с упругой задницей под узкой чёрной юбкой. Спереди всё тоже в порядке.

Влад видит меня первым.

Какая-то часть меня наивно надеялась на его растерянность, лучше даже страх и попытки оправдаться. Но на лице моего мужа появляется лишь лёгкое недоумение. Тёмные

брови приподнимаются, в глазах что-то, очень похожее на досаду. Причём даже она направлена не на меня.

Я просто спокойно вхожу и иду к одному из кресел для посетителей.

Катя оборачивается.

На её лице выражение надменного высокомерия – ровно секунду.

Потом она видит меня, явно узнаёт, хотя я её прежде вроде бы не видела.

И все её эмоции сменяются ужасом.

Она бледнеет. Вскакивает. Принимается поправлять блузку и волосы, отходит от Влада в сторону.

– Господи... – выдыхает она растерянно и испуганно. – Это не то, о чём вы подумали! Это просто...

– Катя, – спокойно обрывает Влад. – По-твоему, я женат на полной дуре? Разумеется, это именно то, о чём Амалия подумала.

Она замолкает.

Я сажусь в кресло, закидываю ногу на ногу.

Чувствую себя просто мерзко и отвратительно. Но я давно научилась делать вид, что не замечаю того, что у меня под носом. Делать красивое лицо и невозмутимый вид, когда мир рушится.

Однажды мне даже пришлось говорить благодарственную речь на благотворительном вечере через пять минут после того, как один из охранников Влада застрелил человека, а

потом получил от Влада в морду за то, что сделал это при мне.

На фоне убийства измена в какой-то степени ерундовое событие.

Лишь в какой-то. Очень в маленькой.

Катя смотрит на Влада большими страшными глазами. Будто пытается без слов донести до него мысль на тему «тут твоя жена».

Как будто он мог упустить это из внимания.

– Выйди, – просто приказывает он.

Катюша бросает на меня испуганный взгляд и быстро уходит. В этот раз плотно закрывает за собой дверь.

Мы остаёмся вдвоём.

Я, не замечавшая очевидного. И мой изменяющий мне муж.

Влад смотрит на меня.

Не извиняется, не оправдывается. Просто смотрит и, что самое неприятное, видит куда больше, чем я хочу показать.

Мне тридцать пять. Ему тридцать девять. Мы женаты двенадцать лет.

Он знает меня даже лучше, чем я сама себя знаю.

Он знает, что моё спокойствие является показным. Что мой чуть рассеянный взгляд означает, что я сейчас глубоко в собственных мыслях. Что я прикладываю все имеющиеся у меня силы, чтобы выглядеть невозмутимой и не позориться истерикой и слезами.

А плакать хочется. Я очень эмоциональная. Всегда была.

Он чуть поджимает губы. Поднимается, берёт телефон. Набирает кого-то, второй рукой наливает воды из графина в чистый стакан.

– Олег, за что я тебе плачу? – спрашивает Влад спокойно.

Олег – глава нашей личной охраны. Они с Владом знакомы уже лет двадцать.

Муж подходит и без слов протягивает мне стакан.

Я беру. Даже пью воду. А потом размахиваюсь и швыряю его в стену.

Звон и грохот наполняют кабинет. Вода и осколки сыпятся на пол.

Влад смотрит на них, затем на меня. Без раздражения и злости, скорее спокойно и так... понимающе. Будто именно чего-то такого от меня и ждал.

– Почему никто не сказал, что Амалия приехала в офис? – спрашивает муж у охрана прямо в моём присутствии.

Опускается во второе кресло для посетителей. Напротив меня, не через стол.

Я смотрю на него, покачивая верхней ногой.

Я очень зла. Просто до бешенства.

Выгляжу спокойной. Почти. Только взгляд мрачный, тяжёлый, разочарованный.

Влад видит это и поджимает губы.

Разочарование задевает его сильнее всего.

Он слушает ответ Олега и становится ещё мрачнее.

– Да насрать мне, кто и где был, – отрезает он, откинувшись на спинку кресла и широко расставив ноги. – А если бы вместо неё пришёл какой-нибудь дебил с ножом, ты бы мне тоже про малую нужду рассказывал?

Пауза.

– Уволь его, – спокойно, без торжественности и мстительности, просто принятое решение.

Влад сбрасывает вызов, с тяжёлым стуком небрежно откладывает телефон на стол.

Проводит языком по зубам.

Наконец поворачивает голову и смотрит на меня.

Глава 2

Я молчу.

Явно не мне нужно первой что-то говорить.

Взгляд не отвожу. Смотрю ему прямо в глаза – ровно, прохладно, мрачно и разочарованно.

Влад на секунду морщит нос.

– Согласен. Некрасиво получилось, – говорит в итоге.

Я медленно поворачиваю голову и невольно пробегаюсь взглядом по ближайшему ко мне краю стола. Ищу что-нибудь тяжёлое, чем посильнее можно его огреть. За вот это его «некрасиво».

Как назло, ничего нормального нет. Даже пепельница стоит на балконе, а не на рабочем столе.

Влад тоже видит, что пока переживать не о чем.

– Я бы предпочёл, чтобы ты и дальше не понимала очевидных вещей, – добавляет он серьёзно и искренне. – Твоя наивная вера в мою порядочность нравилась мне куда сильнее твоих тщетных попыток вдолбить в меня чувство вины, которые сейчас явно последуют.

Я бросаю на него гневный взгляд.

Внутри всё начинает клокотать от злости, обиды, чувства несправедливости и жгучего чувства стыда.

Добивает больше всего его реакция.

Он спокоен. Не оправдывается. Не убеждает меня в том,

что мне показалось или я не так поняла.

Обычно мне нравится, что он считает меня умной.

Но сейчас бесит ужасно.

Он даже к нашей семейной трагедии относится так, будто это рабочий процесс. Ошибка в соглашении или трудные переговоры.

Он остаётся спокойным.

Даже сейчас.

Я поднимают.

Меня начинает трясти уже ощутимо и заметно.

Сжимаю кулаки. Смотрю на него сверху вниз горящими злыми и обиженными глазами.

– Я подаю на развод, – заявляю тихо и дрожащим от переизбытка эмоций голосом.

Влад смотрит на меня без какого-либо выражения ещё секунду, вторую.

Потом приподнимает брови, будто услышал какую-то немного удручающую глупость.

И из всех возможных вопросов или фраз он говорит мне ровное:

– Зачем?

Я недоверчиво усмехаюсь, злясь и почти восхищаясь его наглостью.

– Серьёзно? – переспрашиваю с неприятным удивлением.

– Абсолютно.

Смотрю ему в глаза сверху вниз. И просто не могу понять,

как вообще можно было задать такой вопрос.

– Потому что ты мне изменяешь, – развожу руками, подчёркивая очевидность этого ответа.

Всё это так странно. Так тупо. Он ещё и ведёт себя так, будто это я идиотка, а не он подлец.

Влад не отводит взгляд. Очевидно, ему винить себя не в чем. По его мнению, разумеется.

– Это ответ на вопрос «почему», – отзывается он деловым тоном. – Я не об этом спросил. Я хочу знать, зачем ты решила со мной развестись.

Я стою, смотрю на него и искренне не понимаю, кто из нас двоих больший дебил. От этого непонимания даже вся злость слегка поугасла.

Мне больше не хочется разбить ему голову о стол.

Я просто не хочу больше здесь находиться и продолжать этот разговор, в котором меня пытаются выставить неразумной дурой.

Я просто разворачиваюсь и молча иду к двери.

Сделать успеваю два шага.

Затем позади раздаётся негромкий шорох, и поперёк моего живота ложится рука Влада. Мягко, нежно, заботливо. И держит крепко, как стальной обруч, из которого не вырваться.

Я дёргаюсь пару раз, но он лишь сильнее прижимает меня спиной к своей груди.

И я перестаю вырываться.

– Отпусти меня, – прошу очень спокойно.

– Отпущу, – сразу обещает Влад. – Но никакого развода не будет, Амалия.

Я стою, не шевелясь. Секунду, вторую, третью.

Зачем резко оборачиваюсь в кольце его рук, вскидываю голову из-за разницы в росте, смотрю на него снизу вверх.

Мои голубые глаза яростно сверкают. Его серые отвечают мне холодным спокойствием и уверенностью.

– Съезди куда-нибудь отдохнуть, – говорит он таким тоном, будто ему сообщили всего лишь о задержке поставки или о чём-то столь же неприятном, но незначительном. – Ты же умная девочка, Амалия. Успокойся и вспомни об этом.

Я замахиваюсь, хочу влепить ему пощёчину.

Влад без усилий перехватывает мою руку. Просто ловит ладонь своей рукой. Не причиняет боли, не сжимает, не выворачивает – просто не позволяет его ударить.

– Не надо, – говорит негромко и почти мягко. – Мне этим лицом ещё на камерах светить.

Я смотрю на него с чем-то, очень напоминающим смесь ярости, ненависти и презрения.

Влад видит. Разумеется.

Но всё равно перехватывает мою ручку, подносит к своему лицу и целует мои костяшки. Смотрит мне в глаза сверху вниз.

– Не пытайся избавиться от охраны, – говорит напоследок и отпускает меня.

Отходит на шаг. Спокойно кивает на дверь. Мол, можешь идти.

– Ты просто омерзителен, – искренне говорю я.

Он спокойно кивает. На его лице не дрогнул ни мускул.

– Мне говорили вещи и похуже, – напоминает Влад. – Но я всё же предпочитаю, чтобы собственная жена выбирала слова осторожнее.

Не угроза. Почти неуловимое предупреждение и немигающий взгляд.

Конечно. Подобного обращения Влад в свой адрес не терпит.

Он ничего мне не сделает, я знаю. Не ударит, не коснётся даже. Не станет устраивать детский сад и блокировать мои счета, хотя может дотянуться до моих собственных.

Он умеет превращать жизнь людей в сущий кошмар буквально одним звонком.

Он не станет. Не поступит так со мной. В этом я убеждена.

– Не смей мне звонить.

– Позвоню охране.

Я сжимаю зубы, разворачиваюсь и выхожу.

Кто бы только знал, чего мне стоит это показное спокойствие.

Я иду до лифта. В металлической кабинке с кем-то вежливо здороваюсь – в офисе мужа меня знают даже те, кого лично я никогда в жизни не видела.

Внутри всё клокочет. От злости, почти ярости, ненависти,

негодования, возмущения, желания расплакаться и сделать что-то глупое, импульсивное, причинить ему хоть немного столько же боли, сколько он причинил мне.

Это даже иронично.

Я могу уехать в любой уголок мира. Могу учредить благотворительный фонд, продать картину за полмиллиона евро. Я никогда так не делала, но могу указать на любого человека – и он перестанет существовать.

Но при этом я не могу развестись с собственным мужем.

У Владислава Велесова безупречная репутация.

Он владеет сетью гостиниц, строительным холдингом, парой частных клиник, портовыми терминалами и такой армией юристов, что они отмоют его даже от убийства.

Они и отмывали наверняка, просто Влад никогда мне этого не подтверждал.

Он подкупает министров, ездит на охоту с генералами и финансирует половину правительства этой половины страны.

Он занимается и другими вещами. Теми, которые не попадают в налоговую сводку, отрицаются его адвокатами и из-за которых его охрана носит оружие.

В моей личной охране шесть человек постоянно, водитель, два телохранителя, бронированный автомобиль и две машины постоянного сопровождения.

Я давно привыкла к напряжению, покушениям и постоянной охране.

Но сегодня я впервые задумалась о том, как будет сложно развестись с таким человеком.

Глава 3

Я выхожу из офиса.

Машина стоит прямо у входа. Водитель Лев стоит рядом. При моём появлении он убирает телефон и молча открывает заднюю пассажирскую дверь.

Я без слов сажусь.

И слышу с улицы его негромкий голос, обращённый к охране:

– Усилить наблюдение.

– Что-то случилось? – негромко уточняет кто-то из сопровождения.

Ответ Льва едва слышный:

– Она злится. Обычно это плохо заканчивается.

Я тихо выдыхаю что-то, похожее на короткий сухой смешок.

Лев работает моим водителем четыре года. Не знала, что он успел так хорошо меня выучить и теперь по одному взгляду на моё спокойное лицо определяет, что я на самом деле злюсь.

Он садится за руль. Не задаёт вопросов. Разумеется.

– Едем в Белесово, – называю я посёлок в примерно двадцати километрах от города.

У нас там один из домов. Три этажа белого камня, отдельный дом для прислуги и управляющего, территория настоль-

ко огромная, что из окон не видно забор.

Обычно мы живём там летом, с холодами перебираемся в город, в трёхэтажную квартиру.

Сейчас я не хочу возвращаться туда, где могу в любой момент встретить Влада. Вообще не хочу с ним сейчас пересекаться.

– Конечно, Амалия Романовна, – отзывается Лев профессионально невозмутимым тоном.

Оставляет короткое негромкое сообщение сопровождению. Одна машина сразу уезжает вперёд, вторая страгивается вместе с нашей.

Вещи, за годы ставшие настолько привычными, что я давно перестала обращать на них внимание.

Всю дорогу по вечернему городу, а потом по тёмной трассе я просто смотрю в окно. Почти ничего там не вижу, да и не пытаюсь выискивать.

Я думаю.

Просчитываю варианты, раскидываю мысли.

Самое очевидное решение – сделать вид, что ничего не случилось, и продолжить жить так, как мы жили.

Я так не могу.

Можете называть меня идиоткой, принципиальной дурой, как угодно ещё.

Я просто не могу закрыть на случившееся глаза. Не могу.

И теперь, как назло, в голове всплывают все наши с Владом последние поцелуи, близости, привычная супружеская

тактильность. Сейчас она кажется мне мерзкой. Будто он всё это время был чем-то испачкан или заражён, а я только сейчас об этом узнала.

Мерзко. Противно. Хочется помыться.

Я целовала его в губы, которыми он ласкал другую женщину.

И не факт, что вообще одну.

Боже мой.

Прямо у меня под носом.

Почему?

Ищу, но не могу найти ответ на этот вопрос.

Причина во мне? Я его чем-то не устраиваю? Ему что-то не так?

Или причина в нём? В том, что он имеет любовницу просто потому, что может?

Где ответ на мой вопрос?

Я сглатываю. В горле горько, на душе мерзко.

Приоткрываю окно.

Холодный ноябрьский ночной воздух ударяет в лицо, треплет мои светлые волосы. Кожа моментально замерзает, но я всё равно прикрываю глаза и подставляю лицо ледяным потокам.

Не знаю, что мне думать. Не понимаю, что мне делать.

Не хочется ничего. Анализировать, решать, делать. Вообще ничего не хочется. Такое бессилие внутри.

К моменту, когда мы приезжаем, дом уже освещён. Управ-

ляющего, шестидесятилетнего Павла Архиповича, предупредили о моём визите заранее. Горничная наверняка заменила постельное, для меня приготовили главную спальню, на кухне что-нибудь приготовили.

Лев въезжает в ворота, подъезжает к самому дому, глушит мотор и открывает для меня дверь.

Павел Архипович не болтает и не задаёт вопросов, просто привычно здоровается и говорит, что для меня сварили мой любимый горячий шоколад со специями, приготовили томатный крем-суп с запечёнными ломтиками хлеба, могут сделать горячую ванну и, как обычно, практически что угодно из того, что я захочу.

Проблема в том, что мне не хочется вообще ничего.

Я киваю мужчине и поднимаюсь наверх, оставляя всех внизу и позади. Персонал не наседает и не требует к себе внимания. А я давно уже перестала переживать о том, что в моём доме помимо меня и мужа ещё куча людей.

Закрываюсь в спальне. Она громадная, с ванной через гардеробную, с балконом, на втором этаже.

Хочется сделать что-то такое... масштабное, судьбоносное, может быть глупое. Как-нибудь как психануть!

Но мне тридцать пять. Я двенадцать лет замужем за человеком, чьё влияние с каждым годом становится всё больше и основательнее. Я давно отучила себя от импульсивных глупостей. Точнее, они вышли на другой уровень и теперь требуют холодного анализа и прогнозирования.

Падаю в кресло, скидываю туфли, достаю телефон и пишу своему личному адвокату:

«Я хочу подать на развод».

Ответ приходит буквально через минуту:

«Я бы вам не советовал».

Я недоверчиво усмехаюсь.

Ещё через минуту приходит второе сообщение, куда больше. Суть его сводится к крайне неприятному: адвокат напоминает мне, за кем именно я замужем, что адвокатскую фирму Влад выкупил через одну из своих компаний примерно на следующий день после того, как я начала пользоваться услугами этого конкретного адвоката. Что мой специалист уже получил от людей Велесова предупреждение о том, что развода не будет, и что вряд ли хоть один специалист в здравом уме согласиться мне помочь.

Просто потрясающе.

«Никакого развода не будет» в действии.

Пишу адвокату:

«А если я просто подав заявление? Без юристов».

В этот раз ответа нет куда дольше, но в итоге я получаю:

«У вас совместное имущество и бизнес. Бракоразводный процесс может затянуться на месяцы. Может и на годы.»

Я поджимаю губы и откидываю телефон на кровать. Тяжело вздыхаю, откидываюсь затылком на спинку кресла.

Годы на развод. С таким же успехом действительно можно просто не разводиться. Просто уехать. Тем более, что в

передвижениях меня никто не ограничивал.

Ощущение такое, будто я в тупике.

А самое обидное, что даже позвонить некому.

Папа ушёл из семьи, когда мне было всего два годика. Мама умерла, когда мне исполнился двадцать один год. У меня нет братьев, сестёр, бабушек, дедушек. Есть какие-то дальние родственники, но я ни с кем не общаюсь.

Есть те, кого принято называть подругами. Жёны уважаемых мужчин, которые дружат или имеют деловые отношения с Владом. Но я не могу позвонить ни одной из них и пожаловаться на жизнь. Мы не в тех отношениях.

Я безрадостно усмехаюсь.

Это даже смешно.

Вокруг меня ежедневно десятки людей. Моё лицо знают миллионы. И единственный человек, которому я обычно звоню в трудную минуту – это мой муж.

Тот единственный человек, которому я сейчас не стану звонить даже под угрозой смерти.

Ну и как быть? Терпеть?

Я застываю от собственной мысли, фиксирую неподвижный взгляд на стене напротив.

И понимаю со всей очевидностью: нет. Терпеть я не стану.

Глава 4

На следующий день я просыпаюсь с тошнотой и ощущением, что жизнь стала мерзкой и противной.

Собираю вещи и к обеду улетаю в Италию.

У меня и так выставка в Милане через две недели. Я просто не собиралась так рано приезжать.

Со мной четыре человека охраны. Никаких вопросов. Ни единой попытки поинтересоваться моим мнением насчёт того, хочу ли я брать охрану. Даже если не хочу, они бы всё равно полетели.

Влад не звонит и не пишет.

Я знаю, что охрана докладывает ему о каждом моём шаге. Как я долетела, где остановилась, какого цвета машину взяла в аренду. Хотя брала и не я, и в отеле регистрировалась тоже не я сама лично.

В другой стране можно было бы легко избавиться от охраны. Достаточно обратиться в полицию, сказать любому карабинеру, что меня преследуют или удерживают против воли – и всю охрану задержат. Я в этот момент могу уехать, куда угодно.

Теоретически, такое решение есть.

Практически оно глупое и дебильное. И несправедливое.

У Кости жена и недавно сын родился. Валера собирается делать предложение, они с девушкой семь лет встречались.

У них семьи. Свои жизни за пределами работы. Я просто по-человечески не смогу устроить такую подставу, чтобы сбежать.

Да и бежать мне глупо. Любую мою карту обнаружат по щелчку пальцев. И хорошо, если это будут люди Влада. А если нет?

Неделю я живу в Италии. Хожу по магазинам, по выставкам, встречаюсь со знакомыми художниками, критиками, коллекционерами, галеристами. Загружаю себя работой и всем, чем только могу.

Влад не звонит.

Тошнота не проходит. А на седьмой день в Милане она и вовсе превращается в рвоту.

Меня сразу увозят в больницу. Охрана не слушает моих слабых заверений о том, что со мной всё хорошо.

И вот тогда Влад звонит.

Я сижу на заднем сидении арендованной машины, одной из двух, смотрю на телефон в руке и испытываю мрачное, грустное желание не отвечать ему.

Всё равно отвечаю. Молча подношу телефон к уху и поворачиваю голову к окну.

– Амалия? Как ты?

Голос Влада резкий, встревоженный, жёсткий из-за страха. Не наигранный. Я знаю, как он звучит, когда изображает заботу, и как выглядит, когда действительно чувствует страх и тревогу.

Внутри что-то очень больно натягивается.

Мне обидно до ужаса!

Неделя молчания. Неделя тихой ненависти.

По моему мнению, у меня были все причины не звонить ему. По моему мнению, это именно он должен был позвонить первым.

Но я знаю этого человека почти четырнадцать лет. Я знаю, что было в его голове. Он думал о том, что мне нужно время, и что его звонки будут лишь сильнее меня злить.

Это правда. Я бы злилась ужасно.

Но я бы злилась на него в любом случае. Я и так злюсь ужасно. Просто теперь это не яркая испепеляющая ярость, а тихое грустное разочарование.

– Так мне надо было умереть, чтобы ты вспомнил мой номер? – спрашиваю почти даже безразлично.

Знаю, что его это заденет. Он будет раздражён и от постановки вопроса, и от моего тона. Знаю – возможно, именно поэтому так и говорю.

Водитель Лев профессионально делает вид, что ничего не слышит.

Через телефон я слышу, как Влад на миг задерживает дыхание, а потом тихо раздражённо выдыхает.

– Язвить можешь, значит, пока живая, – сухо произносит он.

Я не отвечаю. Он и не ждёт.

– Что с тобой? – спрашивает вместо этого.

Почти требует. Приказывает дать ответ.

– Тебе наверняка уже рассказали, – отзываюсь я безразличным тоном.

– Я спрашиваю у тебя.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – говорю честно и ровно.

– Очень рад, – его тон остаётся сухим от злого сарказма. – Ответь на вопрос, признаваться в любви будешь позже.

Я приподнимаю брови.

Как обычно. Вообще ничего не поменялось. Будто и не молчали неделю.

Будто он не изменял мне перед этим.

Я поджимаю губы и молчу. Специально.

Но у Влада сейчас не то настроение, чтобы отвлекаться на это.

– Мне сказали, тебя рвало. У тебя болит живот? Сейчас тошнит? Вялость, головокружение? Тебя отвезут в частную клинику, там новое оборудование, доктор и медицинская команда уже ждут. Ты не теряла сознание?

Мои брови медленно ползут вверх.

Я в Италии. Он в России. И за те десять минут, что прошли от момента, как меня вырвало, Влад уже успел обо всём узнать, связаться с какой-то клиникой и обеспечить мне лучшее лечение.

Я прикрываю глаза.

Внутри куча ощущений и эмоций одновременно. Их так

много, что меня опять начинает тошнить – в этот раз из-за них.

Потрясение от его возможностей. Я и так про них знала, но не устаю каждый раз изумляться, как в первый.

Странное, нежное, щемящее до боли тепло из-за того, что он беспокоится и заботится.

Благодарность.

Следом за ней отвращение и омерзение – уже к самой себе за то, что я чувствую благодарность.

Усталость. Бессилие. Отчаяние. Желание, чтобы всё это закончилось. Или чтобы ничего этого никогда и не случалось.

Дальше обида – на Влада. За то, что позвонил только сейчас, когда я оказалась буквально на пороге больницы.

Ещё большая обида за то, что всю неделю он, видимо, считал мои душевные терзания недостаточным поводом, чтобы позвонить, переживать и заботиться обо мне.

– Сколько их было? – спрашиваю я вместо того, чтобы ответить хоть на один из его вопросов.

С той стороны воцаряется молчание. Лев ведёт машину, даже не бросая на меня взглядов через зеркало.

– Кого? – переспрашивает Влад ровно.

– За дуру меня не держи.

Снова тишина.

– Мы поговорим позже, – решает муж. – Когда тебя осмотрят врачи и я буду уверен, что ты не свалишься от нервного

срыва от любого моего слова.

– Это ты так назвал меня истеричкой?

Тихий раздражённый выдох.

– Ты только что подтвердила мои опасения.

Я сбрасываю звонок, отключаю звук и швыряю телефон в сумочку.

Прикрываю глаза обеими ладонями. Провожу руками по лбу, волосам, сгибаюсь на сидении, обняв голову руками.

– Госпожа Велесова? – мгновенно реагирует Лев. – Воды? Остановиться?

Я чувствую, как машина начинает замедляться.

– Поехали, – говорю тихо, глухо, устало.

Он колеблется, но всё же слушается.

– В двери вода, – говорит только.

Я не вижу, но точно знаю, что он сообщает в систему о моём состоянии. Знаю, что через пару минут об этом узнает и Влад.

Плевать.

Через четверть часа мы в клинике.

Меня осматривают вежливые, любезные, но не заискивающие итальянские врачи. Язык я понимаю неплохо, но не в таком состоянии и не медицинскую терминологию.

Мне делают базовое обследование, берут анализы, выделяют отдельную палату, в которой я могу отдохнуть в ожидании результатов и остаться, если появится необходимость.

Проходит чуть больше часа. Физически я ощущаю себя

нормально, но психологически мне хочется реветь, свернувшись клубочком где-нибудь в углу.

Приходит доктор. По его лицу я понимаю, что у меня внезапно не развилась неизлечимая болезнь и я не умру в ближайшие сутки. Уже хорошо.

Мужчина с усталым лицом и ясными голубыми глазами спрашивает, как я себя чувствую. Сверяется с бумагами. Кивает сам себе и поднимает голову.

Я чувствую, как внутри всё стягивается и сжимается от необъяснимой тревоги. Странной какой-то.

– Мы нашли причину ваших недомоганий, – сообщает он без торжества и трагизма, просто медицинский факт. – Вы беременны, синьора.

Я так и сижу, глядя на него с напряжённым ожиданием.

Секунду, вторую, третью.

Потом смысл слов «вы беременны» наконец доходит до сознания.

Едва слышный изумлённо-испуганный выдох срывается с пересохших губ.

И внутри что-то ломается. Плотину прорывает.

Вся наша совместная жизнь. Брачные клятвы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.